

MASTERDETECTIVE

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Р О М А Н

Перевод с английского

Сергея Таска

издательство АСТ

Москва

Глава 1

Я собираюсь правдиво, насколько возможно, изложить свою роль в спецоперации британской контрразведки по введению противника в заблуждение, под кодовым названием “Паданец”, в отношении министерства госбезопасности Восточной Германии (Штази) в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века, в результате чего погиб лучший британский секретный агент из всех, с кем мне приходилось иметь дело, и невинная женщина, ради которой он пожертвовал собой.

Профессиональный агент подвержен человеческим чувствам, как и все люди. Вопрос лишь в том, как долго он способен их в себе подавлять — в режиме реального времени или, как в моем случае, пятьдесят лет. Всего каких-то пару месяцев назад, мучаясь бессонницей в своем доме на заброшенной ферме в Бретани, под звяканье коровьих колокольчиков и недовольное квохтанье кур, я старательно отгонял от себя осуждающие голоса, периодически врывавшиеся в мой сон. Я был слишком молод, возражал я голосам,

слишком невинен, слишком наивен, слишком мелок в табели о рангах. Если вам нужны скальпы, говорил я им, направьте ваши поиски на гроссмейстеров обмана — Джорджа Смайли и его начальника по кличке Хозяин. Это их изощренное хитроумие и высший интеллект привели к триумфу и последующему провалу операции “Паданец”. Только сейчас, когда меня призвала к ответу служба, которой я отдал лучшие годы своей жизни, преклонный возраст и замешательство подтолкнули меня обозначить, чего бы мне это ни стоило, светлые и темные стороны моего участия в этом деле.

Сам факт моей вербовки Секретной службой — Цирком, как мы, младотурки, ее называли в те дни (их принято считать славными), когда она еще располагалась не в гротескной крепости на берегу Темзы, а в претенциозном викторианском особняке из красного кирпича, на изгибе Кембридж-сёркус, — по сей день остается для меня такой же загадкой, как и обстоятельства моего рождения, тем более что эти два события неразрывно связаны.

Мой отец, которого я почти не помню, был, по словам матери, гулякой родом из богатой англо-французской семьи, жившей в одном из центральных графств Великобритании, обладателем неумеренных appetites и быстро тающего наследства, но при этом влюбленным во Францию, что многое искупало. В тридцатых он проводил лето в курортном городке Сен-Мало на северном побережье Бретани, где посещал казино и *maisons closes*¹ и при всяком удобном случае пускал пыль в глаза. Моя мать, единственный

1 Публичные дома (фр.).

ребенок в потомственной семье бретонских фермеров, на тот момент двадцатилетняя, оказалась в этом городке на свадьбе в качестве подружки невесты, дочери преуспевающего торговца скотом. Если верить ее словам. А так как она была единственным источником информации и любила приукрасить факты, выставлявшие ее не в самом благовидном свете, я бы не удивился, узнав, что ее туда привел не столь возвышенный повод.

После бракосочетания, гласит ее история, она со второй подружкой невесты, пожертвовав бокалом, а то и двумя бокалами шампанского, сбежала с банкета в свадебных нарядах и отправилась прогуляться по оживленному променаду, куда целенаправленно вышел мой будущий отец. Моя мать, в отличие от второй подружки, была хорошенькая и ветреная. Закрутился бурный роман, о чем мать стыдливо умалчивала. Но вторая свадьба не заставила себя долго ждать. В результате появился я. Мой отец, как выяснилось, не был предрасположен к брачным узам и даже в первые годы супружества чаще отсутствовал, чем присутствовал.

Но дальше история делает героический разворот. Война, как мы знаем, меняет жизнь, и моего отца она изменила в мгновение ока. Не успели ее объявить, как он уже стучался в двери британского военного ведомства и предлагал свои услуги всем подряд. По словам матери, он задался целью в одиночку спасти Францию. А может, то была попытка сбежать из семьи, но мать ни разу не позволила мне высказать при ней столь еретическое предположение. Британцы недавно организовали спецподразделение, получившее лично от Уинстона Черчилля славное задание “сделать все, чтобы Европа заполыхала”. В прибрежных городках Юго-За-

падной Бретани всюду орудовали немецкие субмарины, причем активнее всего — в нашем родном Лорьяне, где раньше находилась французская морская база. Мой отец пять раз парашютировался на бретонской равнине, вступал в контакт с разрозненными группами Сопротивления, вносил свой вклад в общее побоище и встретил жестокую смерть в тюрьме Ренна от рук гестапо, навсегда оставшись недостижимым для его сына идеалом беззаветного служения родине. Другим его наследием стала неуместная вера в британское публичное школьное образование: мало того что он сам проучился кое-как, так еще и меня обрек на ту же участь.

Мои ранние годы прошли как в раю. Мать кашеварила и лепетала со мной, дед был строгим, но добрым, ферма процветала. Дома мы говорили по-бретонски. В католической начальной школе в нашей деревне красивая молодая монашенка, прожившая шесть месяцев в Хаддерсфилде в качестве *au-pair*, учила меня азам английского и, в соответствии с общегосударственным законом, французскому. Во время школьных каникул я бегал босиком по окрестным полям и скалам, собирал гречиху для материнских блинчиков, ухаживал за старой свиноматкой Фадеттой и принимал участие в озорных деревенских играх.

Будущее не означало для меня ничего, пока оно вдруг не нарисовалось.

В Дувре пышнотелая Мерфи, кузина моего покойного отца, приняла меня из рук матери и привезла в свой дом в Илинге. Мне было восемь лет. В окно поезда я впервые увидел аэростаты заграждения. За ужином мистер Мерфи сказал, что через несколько месяцев все закончится, а миссис Мерфи утверждала обратное, и оба говорили по-английски медленно

и повторяли фразы, чтобы я их понял. На следующий день миссис Мерфи повезла меня в Селфридж, где купила мне школьную форму, не забыв при этом сохранить чеки. А через день она меня провожала на платформе вокзала Паддингтон, а я махал ей на прощание новенькой школьной фуражкой.

Англизация, навязанная мне отцом, не требует особых пояснений. Шла война. Школам приходилось как-то справляться в этих условиях. Из Пьера я превратился в Питера. Над моим жалким английским потешались сверстники, а над моим бретонским акцентом — обеспокоенные преподаватели французского языка. Нашу деревеньку Ле-Дёз-Эглиз¹, как я случайно узнал, захватили немцы. Редкие письма от матери приходили в коричневых конвертах с английскими почтовыми марками и лондонским штемпелем. Лишь спустя много лет я осознал, через сколько отважных рук они должны были пройти. Праздники проходили то в лагерях для мальчиков, то у приемных родителей. Из начальной школы в краснокирпичном здании я перекочевал в гранитно-серую публичную школу, но ничего не поменялось: тот же маргарин, те же наставительные беседы о патриотизме и британской империи, то же спорадическое насилие, беззаботная жестокость и неудовлетворенное, безадресное сексуальное желание. Однажды вечером, весной сорок четвертого, незадолго до высадки морского десанта в Нормандии, меня вызвал в кабинет директор школы и сообщил, что мой отец погиб смертью храбрых и что я должен им гордиться. Из соображений безопасности никаких подробностей.

1 *Les Deux Eglises* — две церкви (фр.).

Мне было шестнадцать, когда после особенно нудного летнего семестра я, недоделанный английский недоросль, вернулся в Бретань. Мой дед умер. Мать делила ложе с новым спутником, которого звали месье Эмиль. Мне он не нравился. Одна половина тушки Фадетты досталась немцам, другая участникам Соппротивления. Не зная, куда деваться от подросткового раздрая, и подогреваемый сыновним долгом, я сбежал на поезде в Марсель и, прибавив себе год, попытался записаться во французский Иностраннный легион. Моя эскапада закончилась тем, что офицер в ответ на просьбы матери, объяснявшей, что я француз, а никакой не иностранец, отправил меня обратно в плен, на этот раз в лондонский пригород Шордич, где якобы сводный брат моего покойного отца по имени Маркус возглавлял торговую компанию, занимавшуюся импортом драгоценных мехов и ковров из Советского Союза, который он называл Россией, — и этот человек взялся обучить меня новому ремеслу.

Дядя Маркус на всю жизнь остался для меня загадкой. Я по сей день не знаю, последовало ли это предложение от моих будущих начальников. Вопросы о том, как погиб мой отец, он встречал неодобрительным покачиванием головы — это относилось не к отцу, а к неуместности подобных вопросов. Порой я спрашиваю себя, можно ли родиться скрытным, как кто-то рождается богатым, или рослым, или музыкальным. Маркус не был подлым, прижимистым или недобрый. Просто скрытным. Родом из Центральной Европы, по фамилии Коллинз, он быстро шпарил по-английски, но с акцентом, а на каком языке говорила его мать, я так и не узнал. Меня он называл Пьером. У него была подруга Долли, хозяйка шляпного магазина в Уппин-

ге, которая увозила его со склада по пятницам в конце рабочего дня. Мне не было известно, ни куда они уезжают на выходные, ни женаты ли они или, может быть, у каждого своя семья. Я знал, что у Долли есть какой-то Берни, но кто он — муж, сын или брат, — оставалось только гадать. Долли тоже родилась скрытной.

И я даже задним числом не могу сказать, были ли “Транссибирские меха и роскошные ковры Коллинза” настоящей торговой компанией или прикрытием для встреч разведки. Все попытки это выяснить утыкались в глухую стену. Каждый раз, когда Маркусу предстояла поездка на торговую ярмарку в Киеве, Перми или Иркутске, его все время трясло, а по возвращении он уходил в запой. А еще незадолго до ярмарки появлялся разговорчивый англичанин по имени Джек, который обвораживал секретарш, заглядывал в сортировочную со словами “Привет, Питер! У тебя все хорошо?” (ни разу не назвал меня Пьером), а затем уводил Маркуса куда-то на ланч, вернувшись с которого тот запирался у себя в кабинете.

Джек называл себя посредником в торговле пушниной, но теперь-то я знаю, что в действительности он занимался разведкой. Когда Маркус объявил, что врач больше не разрешает ему ездить по ярмаркам, Джек пригласил меня на ланч вместо него в Клуб путешественников на Пэлл-Мэлл, где задавал разные вопросы: предпочел ли бы я своей нынешней работе службу в Почетном легионе, насколько серьезны мои отношения с девушками, почему я недоучился в публичной школе, где был капитаном команды боксеров, и не подумываю ли я сделать что-то полезное для своей страны, под каковой он подразумевал Англию, и если я по малолетству не успел поучаствовать в войне,

то вот он мой шанс. За весь ланч он лишь раз упомянул моего отца, причем настолько вскользь, как будто вспомнил о нем совершенно случайно:

— Кстати, о твоём покойном папе. Только это сугубо между нами, договорились?

— Да.

— Он был очень отважным парнем и чертовски здорово послужил своей стране. Обеим странам. На этом остановимся?

— Как скажете.

— Давай выпьем за него.

— Давайте.

И мы молча выпили.

В элегантном загородном особнячке в графстве Гэмпшир Джек, его коллега Сэнди и на удивление расторопная девушка Эмили, в которую я сразу влюбился, прочли мне краткий курс, как забирать корреспонденцию из секретного почтового ящика в Киеве, устроенного между расшатанных кирпичей в стене старого табачного киоска, копия которого стояла у них в оранжерее. Как выглядит условный знак, что к нему можно безопасно подойти, — в данном случае потрепанная зеленая ленточка, привязанная к перилам. Как дать понять, что я забрал корреспонденцию, — надо бросить пустую пачку от русских сигарет в урну рядом с крытой автобусной остановкой.

— Когда будешь подавать на советскую визу, Питер, лучше предъяви свой французский паспорт, а не британский, — беззаботно бросил Джек и напомнил мне, что у дяди Маркуса есть филиал в Париже. — И, кстати, к Эмили не подкатываться, — добавил он, на случай если у меня вдруг возникнут такие мысли, а они уже возникли.

■ ■ ■

Это стало моей первой ходкой, моим первым заданием от Цирка, как выяснилось позже, и тогда я впервые увидел себя бойцом секретного фронта по образу и подобию покойного отца. Другие ходки в следующие два года уже не перечислю, а их было полдюжины, не меньше — Ленинград, Гданьск, София, позже Лейпциг и Дрезден, — и все небогатые на события, если не считать загрузку и разгрузку корреспонденции.

Уикенды в другом загородном доме с таким же красивым садом добавили трюков в мой репертуар: например, скрытое наблюдение за противником или “случайное” столкновение в толпе с незнакомцем и незаметная передача важного материала. В какой-то паузе между этими шалостями, на конспиративной квартире в южной части Одли-стрит, прошла тихая церемония: мне вернули отцовские боевые медали, французскую и английскую, с приложенными указами о награждении. Почему только сейчас? Я мог поинтересоваться, но к тому времени научился не задавать лишних вопросов.

И когда начались мои посещения Восточной Германии, однажды воскресным утром, в Западном Сассексе, в мою жизнь вошел полноватый, очкастый, вечно озабоченный Джордж Смайли, а все началось с моего отчета о выполненном задании, который принимал уже не Джек, а суровый тип чешского происхождения и примерно моего возраста, назвавшийся Джимом; фамилия же его (когда ему было разрешено такую иметь) оказалась Придо. Упоминаю я о нем потому, что в моей дальнейшей карьере он сыграл немаловажную роль.

Во время моего отчета Смайли помалкивал, только сидел и слушал да изредка поглядывал на меня, как сова, сквозь очки в толстой оправе. Но когда все закончилось, он мне предложил пройтись по саду, который казался нескончаемым и переходил в парк. Мы разговаривали, присаживались на скамейку, снова куда-то шли и опять садились, продолжая беседу. Ваша матушка жива-здоровая? Спасибо, Джордж. Ноги не слушаются, а так в порядке. А медали отца вы храните? Моя мать, ответил я, протирает их каждое воскресенье, что было правдой. Я умолчал о том, что она иногда вешает их на меня и плачет. А вот о моих девушках он, в отличие от Джека, не спрашивал. Видимо, из соображений безопасности не задавал лишних вопросов.

Вспоминая сегодня этот разговор, я не могу отделаться от ощущения, что он мне себя предлагал в качестве приемного отца, каковым и стал со временем. Хотя, возможно, он это так не воспринимал. Однако факт остается фактом: когда он задал мне решающий вопрос, я почувствовал себя дома, хотя мой дом находился в Бретани, по ту сторону Ла-Манша.

— Мы тут подумали, — сказал он отрешенно, — не захотите ли вы перевести наши отношения на регулярную основу? Люди, работавшие на нас на стороне, не всегда одинаково комфортно ощущают себя внутри коллектива. Но вы, как нам кажется, впишетесь. Платим мы не очень много, и карьеры, бывает, прерываются. Зато мы считаем это по-настоящему важным делом. Главное, чтобы человека больше волновала цель, а не средства.